

Глава 3

Цянь Яо вошел в кабинет, неся поднос с чаем.

В голове крутилась лишь одна мысль, и та — нецензурная. Это действительно императорский дворец? Почему здесь всё так... спустя рукава? Неужели сотрудников — то есть слуг — отправляют на работу без малейшего инструктажа?

«Неужели сотрудников — то есть слуг — отправляют на работу без малейшего инструктажа?»

Да, он всего лишь должен подать чай. Но ведь и у этой процедуры наверняка есть свои правила, церемонии, нюансы... А он не знал ровным счетом ничего.

За сегодняшний день на него обрушилось столько потрясений, что юноша с удивлением осознал: он начал привыкать. Буря в душе, поднявшаяся после известия о попадании в другой мир, утихла, сменившись странным оцепенением. Стараясь не выдать волнения, он попытался воскресить в памяти кадры из исторических сериалов. Почтительно склонившись, как подобало евнуху, он подошел к императору и протянул ему чашку.

Тот... даже не шелохнулся.

Ци Ань не удостоил его и мимолетным взглядом. Он продолжал просматривать донесения, одновременно вполуха слушая отчет чиновника.

Оказавшись совсем рядом, Цянь Яо наконец расслышал, о чем идет речь.

— Все те, кто открыто связан с Седьмым... причастные к заговору, уже брошены в тюрьмы. Остальные находятся под следствием...

Обсуждали утренний мятеж.

Перед глазами юноши снова всплыли багряные реки крови в главном зале. И... человек перед ним.

Император уже переоделся. Вместо парадного облачения на нем было нечто более простое, домашнее, но всё тех же черно-красных тонов. По подолу золотыми нитями были вышиты пятипалые драконы — символ, призванный подчеркнуть его недостижимый статус.

Выглядел государь спокойнее, чем во дворце Цяньмин, гнев покинул его лицо, однако брови оставались сурово нахмуренными.левой рукой он — то ли намеренно, то ли неосознанно — слегка массировал висок.

— Измена карается смертью, и пощады здесь быть не может. Однако лишь по основному списку подозреваемых проходят сотни людей, не говоря уже о причастных косвенно. Если казнить всех, счет пойдет на тысячи. Какова будет воля Вашего Величества?..

Договорив, сановник замолчал в ожидании приговора.

Но ответа не последовало. Мужчина лишь продолжал водить кистью по бумаге. Ярко-красная киноварь ложилась на свиток, вызывая невольные ассоциации с запекшейся кровью.

Раз император молчал, чиновник не смел проронить ни слова. В кабинете воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

И в этот момент Цянь Яо услышал частые, суматошные хлопки крыльев.

Повернув голову на звук, он заметил неподалеку подвешенную золотую клетку. Внутри билась маленькая птичка. На её лапке висела тонкая цепочка, не дававшая пленнице взлететь.

Цянь Яо ожидал увидеть какую-нибудь экзотическую певчую птицу, достойную дворца, но, присмотревшись, опешил. В золотых прутьях томился обычный серый воробей.

«Воробей? Кто в здравом уме станет держать в клетке воробья?»

Не успел он додумать эту мысль, как тишину нарушил резкий стук. Звук был негромким, но в безмолвном помещении он прозвучал подобно выстрелу.

Юноша вздрогнул и увидел, что государь вернул киноварную кисть на подставку. Однако руку не убрал: его пальцы мерно постукивали по белому нефриту, словно он взвешивал чью-то судьбу.

Стоящий на коленях чиновник, словно предчувствуя исход, едва слышно, с оттенком скорбного смирения, выдохнул:

— Ваше Величество...

В следующую секунду мужчина наконец заговорил.

— Казнить.

Хотя Цянь Яо уже видел его жестокость в деле, этот короткий приговор, брошенный вскользь, снова потряс его до глубины души. Одно короткое слово — и тысячи жизней будут оборваны.

Рука юноши непроизвольно дрогнула.

Чашка звякнула о поднос — тонкий, едва различимый звук, но вслед за ним капля чая сорвалась через край, расплываясь бледным пятном на фарфоре.

Цянь Яо мгновенно восстановил равновесие, но было поздно. Он привлек к себе внимание. Тяжелый взор обратился на него.

Не зная местных правил и этикета, юноша на одних инстинктах рухнул на колени.

И тут же понял, какую ошибку совершил. От резкого движения напиток выплеснулся еще сильнее. Пятно на подносе росло, и как бы Цянь Яо ни старался унять дрожь, руки ходили ходуном.

Плюх. Плюх.

Словно по команде, служанки и евнухи за порогом тоже повалились ниц.

Даже воробей в клетке, словно почуяв неладное, замер, превратившись в серый комочек. В кабинете стало мертвенно тихо.

«Конец».

Цянь Яо смотрел на свои трясущиеся руки, и в голове билось только это слово. Впрочем, дрожали не только они — его колотило всем телом. Чай на подносе уже превратился в неопрятную лужу.

Он зажмурился, в ужасе ожидая услышать роковое «казнить» уже в свой адрес.

Однако случилось нечто непредвиденное. В поле его зрения появилась бледная рука с тонкими пальцами. Она уверенно взяла чашку.

Это была красивая кисть: длинные пальцы, лишённые излишней изящности, покрытые старыми шрамами — вероятно, следствие многолетних тренировок с оружием. Отметины не портили её, напротив, придавали облику императора суровую воинственность.

Это...

Цянь Яо в изумлении поднял голову.

Мужчина сделал глоток и, опустив глаза, посмотрел прямо на него.

— Остыл.

На этот раз реакция Цянь Яо была быстрее.

— Я... нет, этот раб... — он запнулся, приспособливаясь к новой роли. — Этот раб сейчас принесет новый.

Он хотел было вскочить, но, заметив, что остальные слуги не шевелятся, замер в нерешительности и снова опустился на колени.

Едва он коснулся пола, как сверху донеслось:

— Хорошо.

Холодная чашка вернулась на поднос. Фарфор стукнул о подставку, и ладони юноши снова предательски задрожали. Превозмогая слабость, он поднялся и поспешил вон, чтобы сменить напиток.

Когда он вернулся с новой порцией, чиновника в кабинете уже не было. У императорского стола остался лишь Ци Ань, погруженный в изучение свитков.

Цянь Яо подошел ближе. На этот раз он не стал медлить: опустившись на колени, он поднял поднос над головой, поднося чай.

Но государь не притронулся к нему. Он не обращал на слугу никакого внимания — то ли действительно был занят, то ли намеренно издевался.

Жидкость быстро остывала. Плечи и руки юноши затекли, ломота становилась невыносимой, но он не смел опустить поднос, сцепив зубы и терпя до последнего.

Когда Цянь Яо был уже на грани того, чтобы сорваться и разрыдаться от боли и напряжения, мужчина наконец зашевелился. Он отложил киноварную кисть и взял чашку.

А затем пристально посмотрел на него.

Чувство, когда тебя оценивают, само по себе неприятно, а если это делает тиран, успевший оставить неизгладимый след в твоей памяти в первую же минуту знакомства — это пытка. Хотя юноша не поднимал головы, он кожей ощущал этот взгляд: тяжелый, липкий, прощупывающий его дюйм за дюймом, словно язык змеи, выбирающий место для смертельного укуса.

Цянь Яо не понимал, чем заслужил такое внимание, и лишь старался склониться еще ниже.

Рана на шее, оставленная мечом, всё еще саднила. Наскоро затянувшаяся корочка лопнула от напряжения, и тонкая струйка крови снова поползла вниз, исчезая под воротником зеленого одеяния евнуха.

Ци Ань проследил взглядом за этой алой дорожкой.

Он поставил чашку с остывшим чаем и молча созерцал коленопреклоненную фигуру.

Просто евнух.

Евнухов во дворце было великое множество — они сновали повсюду, суетливые и невзрачные, точно муравьи в пыли. Ци Ань не запоминал их лиц, за исключением нескольких приближенных.

Для него все они были на одно лицо: подбострастные, согбенные, с вечно опущенными глазами. Сотни разных людей, сливающихся в одну безликую массу.

Но сегодня в этом слуге он почувствовал нечто иное.

Когда Отдел Холодного Клинка устроил резню в зале Цяньмин, живых там остаться не должно было. Но, подняв голову, император увидел этого мальчишку.

На вид ему было лет девятнадцать — белокожий, хрупкий, почти болезненно чистый и красивый. Он выглядел чужеродно среди окровавленных стен. В его глазах застыл немой ужас — так смотрит заяц, случайно заскочивший на псарню, еще не осознав, что его ждет.

Почти мило. Но оставлять его в живых было нельзя.

Пусть о восстании его никчемного братишки скоро узнает вся Поднебесная, это не значило, что император желал оставлять свидетелей сегодняшнего позора.

В конце концов... императорская семья превыше всего дорожит своим лицом.

Он обнажил меч и направился к юноше.

В это было трудно поверить, зная его репутацию, но Ци Ань не любил убивать. Он любил нечто иное — вкус страха тех, кто стоит на пороге небытия.

Ему нравилось наблюдать, как они ползают в ногах, захлебываясь слезами и мольбами. Чем истощнее они взывали к милосердию, тем очевиднее была их ложь. Если заглянуть в их души, за маской покорности всегда скрывалось безумие.

Чем жалобнее звучали их речи, тем яростнее они проклинали его в своих мыслях. Лицемерные, гнилые создания.

Да, он умел читать мысли.

Этот дар — или проклятие — был с ним с самого рождения, хотя Ци Ань не любил им пользоваться. Чаще всего он слышал лишь грязь и пороки, а платой за каждое использование была невыносимая головная боль. Словно тысячи раскаленных игл одновременно вонзались в мозг.

Но сегодня он не сдержался.

Его собственный брат тайно сговорился с министрами, вступил в альянс со своей матерью и провел убийц под видом слуг на пир, надеясь забрать его жизнь. Эта кучка заговорщиков не представляла угрозы — император расправился с ними, даже не задействовав Запретную стражу.

Ци Ань кончиком меча приподнял подбородок брата и спросил:

— Зачем?

Тот ребенок, который когда-то бегал за ним хвостиком, называя его старшим братом, превратился в статного юношу. Но в его глазах больше не было ни капли уважения — только бескрайняя ярость и ненависть.

— Почему?! Ты ни во что не ставишь отца, ты хитростью вырвал у него трон, довел его до смерти! Ты — тиран, предатель, ты истребил собственных братьев! Если бы я не восстал, я стал бы следующим. Мне всё равно суждено умереть от твоей руки!

Император молчал, глядя в полные ненависти глаза принца.

Спустя долгое время он лишь спросил:

— Ты действительно думаешь, что я убью тебя?

— Конечно, убьешь! Старший брат, третий, четвертый, пятый, шестой — все мертвы! Теперь моя очередь! К чему эта комедия? Рано или поздно ты бы прикончил меня, а теперь у тебя есть законный повод. Так давай же, делай то, что умеешь лучше всего!

Ци Ань не ответил. На миг его рука, сжимавшая меч, дрогнула, но он мгновенно взял себя в руки. Никто ничего не заметил.

Как никто не заметил и того, что его лицо побледнело от внезапной вспышки боли. Разум пронзили тысячи игл, и вслед за этим он услышал голос в голове брата. На этот раз мысли были пугающе искренними.

«Ты убьешь меня! Почему ты не сдох тогда в Северной Шо?!»

Ци Ань закрыл глаза. Боль опускалась ниже, в самую грудь, словно его пронзили тысячи стрел.

— Да, — прошептал он, открывая глаза. Пальцы крепче сжали рукоять. — Ты прав. Я убью тебя.

Запах крови в зале был таким густым, что становилось трудно дышать.

Но Ци Ань, казалось, не замечал этого. Его шаг был твердым, когда он, сжимая окровавленный клинок, направился к маленькому евнуху.

Тот не пытался бежать — то ли от страха ноги отказали, то ли по какой-то иной причине. Юноша просто стоял на коленях, широко распахнув свои миндалевидные глаза, и с нескрываемым изумлением смотрел на императора.

Какая дерзость.

Ци Ань уже и не помнил, когда в последний раз кто-то осмеливался так прямо смотреть ему в глаза. Много лет назад такие взгляды встречались: высокомерные или подобострастные, изучающие или презрительные.

В глазах этого слуги не было ничего из этого. Он просто смотрел.

Странное чувство.

Ци Ань сначала был принцем, теперь стал императором, и люди редко смотрели на него вот так — открыто, на равных. Даже если взгляды пересекались, собеседник тут же опускал взор в священном трепете или страхе.

Для правителя такой взгляд не к добру. Это означало отсутствие контроля.

Ци Ань прижал окровавленное лезвие к шее юноши, и только тогда наконец увидел в его глазах долгожданный ужас.

Но что-то всё равно было не так. Император не мог ухватить это ощущение, но интуиция подсказывала: этот человек не похож на остальных.

В чем же разница? В том, что он не молит о пощаде?

Возможно. Пленник был подозрительно тих. Ци Ань убил многих, и мало кто мог сохранить достоинство перед лицом смерти — люди кричали, проклинали, рыдали.

А этот просто безмолвно стоял на коленях, и его тонкие губы что-то беззвучно шептали.

Этот евнух вел себя слишком странно. Ци Ань стало любопытно, что творится у него в душе. Не шепчет ли он проклятия? В конце концов, в Западных пределах процветало колдовство, и подослать во дворец евнуха-чернокнижника было вполне логичным ходом. Осторожность никогда не бывает лишней.

Поэтому император впервые применил свой дар к маленькому евнуху.

И услышал:

«Богатство, демократия, цивилизованность, гармония...»

Снова и снова.

Что это? По отдельности слова были понятны, но вместе они превращались в бессмыслицу. Какое-то новое заклинание из Западных пределов?

Снова нахлынула головная боль. Сегодня он пользовался даром слишком часто. Ци Ань поморщился и надавил мечом чуть сильнее, вонзая острие в кожу.

— Что такое «демократия»?

Он спросил не всё, не желая выдавать свою способность читать мысли. Ему хотелось услышать ответ.

И в сознании юноши зароились образы:

«Попаданство, бесконечный поток, сценарии, филология...»

Ци Ань не понял ни слова. Что за чушь?

Ему хотелось, чтобы евнух сказал что-то внятное, но он не знал, как спросить, а боль лишила его остатков терпения. Он сжал рукоять, и лезвие вошло еще на долю дюйма.

Тонкая кожа на шее, белая, как драгоценный нефрит, лопнула. Теплая кровь брызнула на клинок, смешиваясь с уже запекшейся старой кровью.

И тут же его мозг взорвался криком:

«Больно-больно-больно-больно-больно!..»

Какое-то время в голове императора пульсировала только эта отчаянная жалоба.

Он замер.

Слуги во дворце обычно происходят из беднейших семей. Они с детства привыкают к лишениям и побоям, а жизнь в этих стенах лишь закаляет их. Трудно было представить, что кто-то может так остро реагировать на боль.

Тем не менее Ци Ань отвел меч. Этот внутренний вопль был слишком громким, от него голова раскалывалась еще сильнее.

Стоило убрать клинок, как шум в мыслях юноши стих. Вслух же он произнес на редкость льстивую речь:

— Владыка народа... это означает «владыка народа».

— Государь — Сын Неба, высший среди смертных. Он — хозяин своего народа, сокращенно — «демократия».

Ци Ань хотел было сказать, что ожидал совсем иного объяснения, но в этот момент в висок ударила такая острая боль, что он едва устоял на ногах. Перед глазами на мгновение всё поплыло.

И в следующую секунду он услышал участливый голос:

— С вами всё в порядке?

Это был тот самый евнух.

Император едва не усмехнулся. Он только что держал меч у его горла, а этот мальчишка смеет разыгрывать заботу? Наверняка в душе мечтает о его смерти.

Преодолевая боль, он прислушался к его мыслям еще раз.

«Что происходит? Почему ему вдруг стало так плохо? Стоит ли мне его поддержать? Или позвать врача? Но я понятия не имею, где тут лекари...»

Боль начала отступать. Ци Ань медленно открыл глаза и посмотрел на него со сложным чувством.

— Разве вы не желаете мне смерти?

— Что? — евнух непонимающе моргнул.

Император не ответил. Ему стало по-настоящему интересно.

Этот человек был слишком необычным. Поэтому Ци Ань, поддавшись редкому порыву любопытства, велел перевести его в свои личные покои.

Кем бы он ни был, рано или поздно он выдаст себя.

Когда Цянь Яо вышел из кабинета, на город уже опустились сумерки.

Руки ныли так, словно их пропустили через дробилку. Он всерьез опасался, что они навсегда останутся парализованными. Впрочем, неудивительно — попробуйте-ка продержать тяжелый поднос на весу целый вечер. Проклятое феодальное общество, здесь действительно не слышали о правах человека.

Почему нельзя было просто поставить этот чай на стол? Зачем заставлять его стоять истуканом?

Юноша и сам не знал, правильно ли он поступил. Ему отчаянно хотелось спросить у кого-нибудь, можно ли оставлять поднос на императорском столе и уходить, но когда тиран наконец соизволил отпустить его, выяснилось, что никто из дворцовой челяди не желает с ним разговаривать.

Лишь тот самый евнух в красном, что привел его сюда утром, соизволил дать краткое пояснение:

— Его Величество приказал... не учить тебя ничему.

Цянь Яо не понял.

— Что это значит?

Но тот лишь покачал головой:

— Воля императора не подлежит обсуждению. Нам не дано в неё вникать.

— ...

Весь путь до своих покоев Цянь Яо пытался разгадать этот ребус. В конце концов он решил оставить эти раздумья на потом. У него была проблема поважнее: он не был в туалете с самого обеда и чувствовал, что еще немного — и случится непоправимое.

Вернувшись во двор евнухов, он первым делом выяснил, где находится уборная. Здешние обитатели оказались чуть более словоохотливыми и указали ему путь.

Внутри никого не было. В углу стояло несколько деревянных кадучек — местных ночных ваз. Рядом возвышался стул, покрытый белой тканью, на которой лежали полые стебли тростника.

Цянь Яо замер, разглядывая эти странные приспособления. Сначала он растерялся, но быстро вспомнил специфику статуса евнухов и догадался, для чего нужны эти трубки.

Боже, какой позор. Хорошо хоть, ему это не понадобится.

Юноша начал расстегивать пояс, но на полпути его прошиб холодный пот. До этой секунды жизнь в новом мире была такой насыщенной и пугающей, что ему некогда было задуматься о деталях. И вот только сейчас до него дошло.

Минутку. Он же евнух. Значит, у него...

Цянь Яо замер. Неужели он больше не мужчина? Ему всего девятнадцать! Как же его личное счастье? Впрочем, при такой работе до старости он вряд ли доживет.

Осознание потери самого дорогого, что у него было, ударило под дых. Юноша затянул пояс обратно и сел на корточки перед злосчастным стулом, тупо глядя на тростниковые трубки.

Неужели теперь его жизнь будет такой? Выглядит это чертовски болезненно. Цянь Яо считал себя оптимистом, но сейчас даже у него опустились руки. Это было слишком.

Впрочем, физиологические потребности взяли свое. Вытерпев сколько мог, он зажмурился,

сжал зубы и снова потянулся к поясу.

Однако, когда он уже собрался присесть, до него дошло нечто странное. Он застыл как вкопанный, не веря своим глазам.

Прошло немало времени, прежде чем он, словно в тумане, рискнул заглянуть под одежду.

Подождите... Разве он не евнух? Тогда почему... почему там всё на месте?!

За считанные минуты Цянь Яо пережил весь спектр эмоций — от глубочайшего отчаяния до безумного восторга, и снова впал в ступор. Если бы не его крепкая нервная система, он бы наверняка скончался от сердечного приступа прямо на месте.

Казалось бы, спасение «семейного сокровища» — повод для радости, но, вспомнив события дня, юноша понял, что радоваться рано.

Он не знал тонкостей истории, но прекрасно понимал: мужчина, разгуливающий по императорскому дворцу под видом евнуха — это преступление, караемое самой мучительной смертью.

Более того, он служит при самом императоре и наверняка будет сталкиваться с его наложницами. Если его разоблачат...

Цянь Яо почувствовал, что на этот раз он действительно готов намочить штаны — от ужаса. Рана на шее еще не зажила, и память о холодном лезвии меча была слишком свежа.

Холодный металл.

«Это конец».

<http://bllate.org/book/15347/1412387>